

**РОЛЬ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ В СТАНОВЛЕНИИ
ЦЕРКОВНОПЕВЧЕСКОГО ИСКУССТВА И ОЦЕНКА АКТУАЛЬНОСТИ
ПЕВЧЕСКИХ КОДЕКСОВ ИЗ СОБРАНИЙ ТЮМЕНСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

**THE ROLE OF LITERACY IN THE DEVELOPMENT OF ANCIENT RUSSIAN ART
TSERKOVNOPEVCHESKOGO AND ASSESS THE RELEVANCE OF SONG CODES
FROM THE COLLECTIONS OF THE TYUMEN REGIONAL MUSEUM**

**ГРУЗИНЦЕВА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА
GRUZINTSEVA NATALYA VIKTOROVNA**

кандидат искусствоведения, доцент, зав кафедрой ТМиМО, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий» институт музыки, театра и хореографии, кафедра теории музыки и музыкального образования

PhD, Associate Professor, Head of the Department, Federal State Educational Institution "Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies" Institute of Music, theater and dance, Department of Music Theory and Music Education

Ключевые слова: древнерусское певческое искусство, певческие рукописные сборники, устная и письменная традиции, музейные фонды.

Key words: ancient art of singing, singing and handwritten collections, oral and written traditions, museum collections.

Аннотация: Сформулированы функции певческих кодексов в богослужбной практики Древней Руси (дидактическая, мнемоническая, порождающая). Рассмотрены особенности древнейших нотированных сборников на основе старших списков Триодного стихираря из собраний Государственного исторического музея и Центрального государственного архива древних актов, возникших в условиях адаптации византийских влияний и отразивших этот процесс (реалии современной литургической практики; следы более поздних редакций). Проведен анализ певческих рукописных кодексов из фондов ТОКМ, выявлено их научные, художественные, и просветительское значение.

Abstract: The function codes in singing liturgical practices of ancient Russia (didactic, mnemonic generating). The features of the oldest collections notirovannyh based senior lists triode stihirarya from the State Historical Museum and the Central State Archive of Ancient Acts encountered in adapting Byzantine influences, and to reflect this process (the realities of modern liturgical practice; traces later editions). The analysis of vocal handwritten codes of funds Tokma revealed their scientific, artistic, and educational value.

Певчески произнесенное Слово было неотъемлемой частью христианского богослужения. Благодаря этому профессиональное певческое искусство оказалось в период X-XVII веков единственной областью русской музыкальной культуры, связанной с письменной традицией. Прямым источником сведений о становлении и развитии русского церковного пения были и остаются рукописные и старопечатные певческие сборники – памятники литургических, художественно-эстетических, музыкально-теоретических норм своего времени [1].

Согласно Сводному каталогу [2] в отечественных книгохранилищах учтено в настоящее время свыше 90 рукописей и фрагментов XI – XIII веков, нотированных полностью, частично или содержащих единичные знаки экфонетической, кондакарной и знаменной нотации над отдельными словами. Эти источники составляют примерно пятую часть всех памятников древнерусской письменности X - XIII веков и сосредоточены в собраниях Москвы и Санкт-Петербурга.

Группу древнейших нотированных списков составили в основном сборники устойчивого состава, сложившиеся в Византии и имевшие достаточно длительную дославянскую традицию: Ирмологий, Кондакарь, Стихирари, минейный и триодный. Как это не парадоксально, но певческие нотированные сборники не были постоянным рабочим инструментом. На это указывают: хорошая сохранность; состав (неполное отражение гимнографического репертуара по сравнению с ненотированными аналогами); моножанровость, затруднявшая их использование в богослужебной практике; наконец, существование этих сборников в условиях преобладания устной традиции, типичной для музыкальной культуры Средневековья. Иными словами, на практике певческими нотированными рукописями пользовались редко, пели в основном по «четым», ненотированным богослужебным книгам.

Для чего же нужны были тогда певческие кодексы? Они использовались как справочные антологии, нотированные пособия для обучения пению по ненотированным книгам, выполняя, таким образом, дидактическую функцию; выступали регуляторами напевов в случае их искажения, утраты, уравнивали крайности в пении, в этом состояла мнемоническая функция; будучи «исторически выработанной схемой», певческие кодексы отражали и новые формы, и приемы пения, о чем свидетельствуют изменения состава, нотации и др., осуществляя «порождающуюся» функцию. Очевидно, что роль певческих сборников в практике средневековья существенно отличается от той роли, которую играет нотная литература Нового времени. Своеобразные «островки» письменности в «море» устной традиции, певческие кодексы фиксируют певческую традицию в данном месте, в данное время, представляя некий местный вариант интонирования канонических текстов. В отличие от творческого процесса Нового времени, где запись произведения предшествует исполнению, в средневековье, напротив, запись подытоживала результаты коллективного соборного творчества. Можно сказать, что группа древнейших певческих сборников была одной из первых попыток запечатлеть усвоенное от греков и научить этому других. Следует обратить внимание на то, что пение на Руси изначально было прочнее связано с письменной традицией, нежели в Византии, из-за трудностей, которые появлялись вместе с переводом песнопений с греческого на славянский язык. Исчезала исходная метрика, и терялась структурная взаимосвязь между молитвословным стихом и напевом. Поэтому, например, для русских распевщиков и певчих при пении «на подобен», представлявшем собой основной вид взаимосвязи слова и напева в церковном пении, каждый текст надо было заново приспособлять к напеву, тогда как греки даже не нотировали песнопения, которые исполнялись «на подобен», т.е. на один и тот же напев-образец.

Древнейшие певческие сборники послужили своего рода «орудием миссионерства» [3] в период христианизации Руси и стали отправной точкой дальнейшего развития древнерусского певческого искусства и книжности. На это указывают следующие характерные черты данной группы источников: максимально полный состав определенного рода песнопений в каждом типе сборника (ирмосов – в Ирмологии, стихир подвижного круга церковного года – в Триодном стихираре и т.д.); сквозная нотация определенного вида (знаменная, кондакарная); наличие пространных уставных статей, которые касаются не только чинопоследований, но и содержат описание деталей священнодействий, облачения и др.; максимальная информативность рубрик, предваряющих циклы песнопений, дублирование одинаковых песнопений с крюковой строкой в разных разделах сборника; активное использование древнейших пергаменных списков в более поздней богослужебной практике, о чем свидетельствуют, например, маргинальные пометы XIV века «пиши, пои» в кодексе ГИМ, Усп.8, XII в., владельческая запись XVI в. в кодексе ГИМ, Воскр.27, XII в.; отголоски резальной литургической практики в рубриках «А си кроме устава», «А сю стихиру петь любо вечер, любо заутра», «А си стихиры пои кгде ти любо» в пергаменных певческих рукописях Синодального собрания ЦГАДА.

Только ранние типы певческих книг отличаются удивительной взаимосогласованностью принципов музыкальных и немusикальных в организации материала. Например, план практически всех древнейших сборников определенным образом согласуется с годовым и суточным кругом богослужения. Но отбор гимнографического материала для каждого сборника шел по типам литургического интонирования – силлабическому (Стихирари), мелизматическому (Кондакари). В целом рукописным певческим книгам как средству хранения и распространения богослужебного пения на Руси принадлежит гораздо более важная роль, чем в Византии. Преобладание письменной традиции в этой области древнерусской музыкальной культуры может рассматриваться как творческий ответ русских распевщиков новым языковым реалиям.

Особенности провинциальных собраний певческих кодексов, и из фондов ТОКМ в частности, обусловлены поздней христианизацией и связаны с малочисленностью, разрозненностью отсутствием источников, отражающих локальную певческую традицию на протяжении значительного периода. Певческие сборники из фондов ТОКМ с точки зрения их музыкальной специфики (репертуар, типы, авторство, дешифровка) не изучены. В совокупности они охватывают период конца XV – начала XX вв. Все эти источники можно разделить на две большие группы: 1) ненотированные богослужебные кодексы, которые содержат песнопения, - свыше 40 сборников; 2) нотированные кодексы, из

которых 11 сборников крюковой (знаменной) нотации, 10 сборников нотолинейной нотации (киевская квадратная нота).

Остановимся подробнее на второй группе источников. Подавляющее большинство здесь – рукописи (17), остальные – старопечатные издания (4). Нотированная группа источников относится в периоду последней четверти XVII – начала XX вв., поэтому почти все кодексы знаменной нотации читаемы, т.е. содержат киноварные пометы и признаки, позволяющие перевести крюки в современную пятилинейную нотацию. Лишь один сборник (№ 5015/15 Стихирарь минейный, посл. четв. XVII в.) опомечен фрагментарно.

Типы нотированных источников 1) продолжают традиции древнейших певческих сборников устойчивого состава: Ирмологий (№ 5080/63, 5065/47, 5075/38 – XIX – XX вв., рукописи знаменной нотации; № 5575, 1809 г., № 5442, 2-я четв. XIX в. – старопечатные, знаменного и греческого роспевов); Стихирарь (№ 5015/15, посл. четв. XVII в., рукопись знаменной нотации, содержит стихиры минейного круга праздников, в основном из разряда средних); 2) продолжают традиции певческих сборников, сложившихся в период расцвета певческого искусства а) устойчивого состава – Октоих (№ 5048/29, 1815 г., № 5075/38, XIX в. – рукописи знаменной нотации); Праздники (№№ 5020/14, XVIII в., 5054/39, XIX в., 5076/36, XIX в. – рукописи знаменной нотации; № 5031/17, XVIII в. – нотолинейная рукопись знаменного роспева, одноголосная); б) неустойчивого состава – Обиход (№ 5633, XIX в. старопечатный, знаменной нотации; №№ 5023/15, 5030/16, 20-е гг. XVIII в., неполный комплект нотолинейных рукописей знаменного, киевского и греческого роспевов с включением стихир на отдельные великие и средние праздники минейного круга).

Особо следует отметить ненормативные сборники позднего происхождения. Например, № 5057/48, XIX в., рукописный старообрядческий сборник, в котором содержится около двух десятков духовных стихов. Не менее половины из них имеют начертания опомеченных знамен над начальными строками текста, своего рода «узелки на память». Особо интересен единственный полностью нотированный стих, представляющий собой парафраз на тему 133 псалма, но озаглавленный «Плач триех отрок, распетыи рифмосложне», приводим его полностью (лл.57-59 об.):

На реце Вавилонстей сядяще плакахом \ Егда град любезнейшии Сион поминахом \
На вербиих органы повесихом наша \ Яко пленивши ны излиха стужиша \ О словесах
пения прилежно нудящее \ Воспойте нам от песней Сионских велящее \ Мы же како
воспоем песнь Бога живаго \ На земли чюждей в плене царя поганского \ Аще ты граде
Божий дерзну аз забыти \ Забуди рука моя дела творити \ Прилпни язык гортани \ Аще

поминати ти не буду тя Сионе вегда ми в лик стати \ Помяни крепки Боже что нам сотвориша \ Сыны едомстии егда град плениша \ Вопияху свирепо весь град истощайте до оснований его \ Род зол истребляйте \ Но о дщи вавилоня окаянна зело \ Блажен воздаст ти за ны равно дело \ Блажен иже потщится твоя похищати \ Младенцы о камень твердый разбивати.

Не менее интересна четырехголосная нотолинейная четырехгласная рукопись № 5154, XVIII в. – выдающийся памятник церковнопевческого искусства. Здесь отражена одна из ранних форм русского многоголосия – знаменное строчное пение. Составитель этой рукописи радикально порывает с моножанровым принципом средневековых типов певческих книг и включает полные, последовательно изложенные певческие разделы служб на Рождество Христово, Богоявление и Сретение (стихиры вечерни и утрени с запевами, ирмосы канонов, тропари и кондаки, задостойники, тропари царских часов, песнопение великого повечерия «С нами Бог»).

Осталось упомянуть несколько разрозненных нотолинейных «тетрадок» - отдельных голосов партесных партитур, которые содержат фрагменты служб Покрову (№ 5026/19, XVIII в., Страстной седмицы (№ 5027/18, XVIII в.), Недели Цветной (№ 5081/16, 1-я пол. XVIII в.), Рождеству Христову (№ 5086, XX в.). Они заслуживают внимания как ранние образцы партесного стиля.

Сравнительно позднее происхождение нотированных источников ТОКМ имеет преимущество, открывая широкую панораму певческих стилей переходного периода в русской культуре. Мы найдем здесь одноголосную традицию знаменного большого и малого, путевого, демественного, греческого роспевов; строчное многоголосие знаменного и греческого роспевов; партесные обработки киевского, греческого, болгарского роспевов.

С этой точки зрения сборники из четырехголосного комплекта № 5023/15 (альт) и № 5030/16 (дискант) представляют собой уникальную певческую энциклопедию, где собраны не только литургия и всенощное бдение столпового роспева, а также киевского и греческого роспевов в двух (!) вариантах, но и многочисленные локальные роспевы, вошедшие в певческую практику с середины XVI - середины XVII вв. Назову лишь «Хервувимские», собранные в этих рукописях (нумерация лл. по № 5023/15): «жуковская» (л. 17), на «Радуйся» (л. 18 об.), «наумовская» (л. 43 об.), «малопечерская» (л. 44), «ярославская» (л. 46) и др. Здесь же – уникальные авторские роспевы Никиты Сопегина (л. 184 об.) и Симеона Прилуцкого (лл. 21 об., 192 об., 197 об.).

Даже самый беглый обзор рукописных и старопечатных певческих кодексов ТОКМ позволяет сделать вывод, что при всей своей немногочисленности нотированные

источники музея представляют немалый интерес для исследователей, педагогов и исполнителей хоровой музыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарев М.А. Языковая картина мира: анализ теоретических подходов // Гуманитарное пространство. Международный альманах. Т. 2. № 4. 2014. с. 465-475.
2. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI – XIII вв. - М., 1984
3. Schidlovsky N. The Notated Lenten Prosomoia in the Byzantine and Slavic Traditions. Princeton (N.J.): Princeton University Press. 1983.